

**ВОЗВРАЩЁННЫЕ ИМЕНА:
ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ ЛЬВА ЛЫЩИНСКОГО-ТРОЕКУРОВА И
ЕВГЕНИЯ БАРТУЛЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПИНСКОГО ИСТОРИКА-
КРАЕВЕДА А.Л. ИЛЬИНА**

Е.А. Игнатюк

*Полесский государственный университет,
Пинск, Республика Беларусь, ignatuk.e@polessu.by*

В статье показан вклад А.Л. Ильина в изучение биографий известных людей из прошлого: русского поэта-монархиста Льва Лыщинского-Троекурова (1883–1945) и западно-белорусского поэта Евгения Бартуля; анализируются стихи сборника «Цепи жемчужные» (1924) Льва Лыщинского-Троекурова, а также оценивается белорусская поэзия Евгения Бартуля (1908–1992).

Ключевые слова: Полесье, краеведение, архивоведение, русский поэт-монархист, западнобелорусская поэзия, судья городского суда в Лунинце.

Есть два замечательных поэта, которые жили и творили в начале XX века. Большой вклад в изучение их духовного наследия внёс А.Л. Ильин (1956–2020) – известный исследователь истории и культуры Брестско-Пинского Полесья. С помощью архивных документов он открыл ранее неизвестные факты биографий русского поэта-монархиста Льва Лыщинского-Троекурова (1883–1945), а также талантливого западнобелорусского поэта и публициста Евгения Бартуля (1908–1992), который был забыт на целых 60 лет, но в конце XX – начале XXI века появились отдельные публикации³ о нём.

Важно и то, что сегодня мы можем проанализировать стихи самого значительного поэтического сборника Льва Лыщинского – «Цепи жемчужные» (1924).

Более подробно скажем об этом поэте.

Вначале обратимся к статье А.Л. Ильина «Русский поэт, “белорусский князь” и международный авантюрист Лев Лыщинский-Троекуров». Приведём ряд фактов из биографии Льва Лыщинского, убеждающих нас в том, что приход в литературу такой неповторимой личности, как Лев Владимирович Лыщинский, неслучаен.

«Лев Владимирович Лыщинский (1883–1945) родился 12 февраля 1883⁴ года в Санкт-Петербурге. Учился в одной из петербургских гимназий. В 1908 году, по семейной традиции, окончил с золотой медалью одно из наиболее престижных высших учебных заведений – Императорское училище правоведения. Училище было основано в 1835 году с целью воспитания юридически компетентных кадров для административной и судебной деятельности. (...)»

Лев Лыщинский имел широкий круг интересов: увлекался литературой, географией, археологией.

Интересно, что он изучал генеалогию своего рода: издал в 1907 году книгу «Род дворян Лыщинских. Материал для составления 157 родословий». Когда, в межвоенное время, Лыщинские-Троекуровы добивались польского гражданства, они представили властям семейные документы, в которых говорилось, что Лы-

³ Чыгрын С. Хто духам малады... // Першацвет. – 1993. – № 6. – С. 103–107; Ильин А.Л. Приватизированный поэт Евгений Бартуль // Гістарычная Брама. – 2010. – № 1.

⁴ Хотя в Википедии ошибочно указывается 1888 г.

щинские происходят из польской шляхты и что их род занесён в *Книгу дворянства Гродненской губернии*, а также – в *Список шляхты Польского Королевства*» [3, с. 198].

Отец Льва Лыщинского-Троекурова, Владимир Анзельмович (Борисович) Лыщинский⁵, родился в 1861 году в Санкт-Петербурге.

В самом начале XX века Лыщинский-старший был в числе основателей Русского Собрания – одной из самых одиозных организаций право-монархического толка [2]. (...) Его карьере способствовала удачная женитьба (1882) на Марии Фриш (1865–1933). Она была дочерью товарища (заместителя) министра юстиции Эдуарда Васильевича Фриша (1833–1907)⁶, которого в 1906 году назначили председателем Государственного Совета. Как раз тогда, 6 мая 1907 года, Владимира Лыщинского утвердили в должности статс-секретаря Государственного Совета.

Неслучайно и то, что Владимир Лыщинский, крупный российский чиновник, запечатлён на знаменитой картине Ильи Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года».

Супруги Владимир и Мария Лыщинские имели трёх сыновей: Льва, Владимира⁷ и Кирилла⁸.

«Жили Лыщинские-Троекуровы в имении Руда. Эту местность можно считать центром исторического Полесья. По ревизии 1668 года, Рудский двор являлся центром Полесского ключа Брестской королевской экономии. В 1768 году в урочище Руда граф Антоний Тизенгауз (1733–1785) основал металлургическую мануфактуру. В 1795 году императрица Екатерина II подарила село Великорита и окрестные земли своей статс-даме, графине Екатерине Скавронской⁹ (1761–1829). С начала XIX века имение Руда принадлежало Ягминам – богатому и знатному роду, имевшему литовские корни. В 1863 году Руду конфисковали у повстанца Августа Ягмина (1840–?). С 1921 года этим имением управлял Александр Залевский¹⁰ (1884–?). (...)»

Мария Лыщинская 13 января 1913 года в Петербурге у нотариуса Александра Сторыцкого на публичных торгах фиктивно приобрела имение Руда у купца из

⁵В 1905 году Владимир Лыщинский жил в аристократическом районе Санкт-Петербурга, снимал квартиру в красивом доме по адресу: Литейный проспект 44. Этот дом в 1852–1854 гг. построил для себя петербургский архитектор Александр Пель (1809–1902). В начале XX века им владел богатый нефтепромышленник Павел Гукасов (1858–1937). Кроме того, Владимир Лыщинский делал успешную карьеру при Императорском дворе: в 1900 году получил придворный чин – камергер, а в 1907 году стал исполнять должность гофмейстера, в которой был утверждён в 1914 году. В 1913 году его назначили руководителем комитета по строительству Троицкой церкви в Петербурге. Владимир Лыщинский состоял членом Общества возрождения художественной Руси по разряду словесности [3, с. 200].

⁶ По сведениям польской полиции, кузеном Марии Фриш был выдающийся русский государственный деятель Сергей Юльевич Витте (1849–1915), а близким родственником – бывший варшавский генерал-губернатор Георгий Антонович Скалон (1847–1914).

⁷ Владимир Владимирович Лыщинский (брат Льва Лыщинского) родился 10/22 сентября 1889 года в Санкт-Петербурге. После 1917 остался в Париже; во Франции он женился на княжне Елизавете Владимировне Шаховской (1896–1974), которая была известным иконописцем; он один из инициаторов создания группы по подготовке и изданию «Золотой книги русской эмиграции» (1961). Умер Владимир Владимирович Лыщинский 7 сентября 1968 года в городке Дурдан, под Парижем; похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа [3, с. 200].

⁸ Кирилл Владимирович Лыщинский (1897–1920) погиб в 1920 году; возможно, что он воевал в Белой армии.

⁹ Екатерина Скавронская – любимая племянница светлейшего князя Григория Потёмкина.

¹⁰ В 1938 г. Александр Залевский был войтом гмины Великорита.

Белостока Лейбы Липшица. Между тем, Липшиц (фигтивно) переписал второе имя Бельчаки на Волини на сенатора Владимира Лыщинского» [3, с. 204].

Ко всему вышесказанному следует добавить, что Лев Лыщинский был членом *брестского отделения Русского благотворительного общества* (РБО), которое содержало в Бресте русскую гимназию. В феврале каждого года в брестской гимназии проходили Пушкинские дни. Лев Лыщинский часто выступал на них с докладами о русской эмигрантской литературе. Он увлёкся литературной деятельностью. Известны три книги, которые он издал в межвоенное время в Варшаве: это – «Сказка о кумаче» (1920), поэтический сборник «Цепи жемчужные» (1924), поэма «Длань Господня» (1925) [3, с. 211].

Ещё в 1911 году Лев Лыщинский предпринял путешествие на Алтай, а в 1914 году были опубликованы Императорским географическим обществом следующие стихи поэта: «Несколько стихотворений», «Замок», «На плаху», «За мечтой»¹¹, «В этом ли счастье?»¹².

В статье «Русский поэт, “белорусский князь” и международный авантюрист Лев Лыщинский-Троекуров» А.Л. Ильин интересно говорит о русской литературной жизни во Второй Речи Посполитой, а также о значимости участия Льва Лыщинского в таких литературных объединениях, как «Литературное содружество» и «Союз русских писателей и журналистов».

А.Л. Ильин пишет: «Она [литературная жизнь] была довольно интенсивной, главными её центрами были Варшава и Вильна, где выходило много русских газет, сложились литературные кружки и объединения».

Интересный *литературный кружок* возник и в Пинске, в состав которого входили Михаил Ключенович (1901–1938), Василий Коротышевский (1905–1977), Дмитрий Майков (1906–1970-е гг.), Станислав Мацкевич¹³, Иван Гаврилов (1893–?), Прокофий Душенковский (1883–?), Павел Хинич (1887–?) и другие. В Бресте такой литературный кружок как-то не сложился, хотя там была активная русская колония и действовала частная русская гимназия, в которой работал ученический литературный кружок.

Неслучайно взор Льва Лыщинского обратился на Варшаву¹⁴, где русской литературной жизнью руководил известный публицист и критик *Дмитрий Философов* (1872–1940) – ближайший друг одних из столпов “Серебряного века” романиста *Дмитрия Мережковского* (1865–1941) и поэтессы Зинаиды Гиппиус (1869–1945). В 1929 году Дмитрий Философов создал “Литературное содружество”, в состав которого вошли такие поэты и прозаики, как Лев Гомолицкий (1903–1983), Александр Хирьяков (1863–1940), Георгий Соргонин (Розвадовский, 1904–1976), Владимир Бранд (1892–1954), Сергей Войцеховский (1900–1984), Пётр Прозоров (Калинин, 1889–?), Всеволод Байкин (1898–1989), Евгения Вебер-Хирьякова (1893–1939)¹⁵ и др.(...)

На собраниях “Литературного содружества” читали стихи местные русские поэты (в том числе и Лев Лыщинский), а также читались доклады на литературные и

¹¹ Эта книга – поэма.

¹² Эта книга – пьеса в одном действии с балетом.

¹³ Станислав Мацкевич – полковник царской армии, командир Дикой дивизии.

¹⁴ Вероятно, Лев Лыщинский имел квартиру в Варшаве, где в 1934 г. жил по адресу: ул. Тварда 50, к. 5.

¹⁵ Евгения Вебер-Хирьякова покончила жизнь самоубийством через несколько дней после начала немецкой оккупации Варшавы.

историко-культурные темы. Здесь выступали яркие представители “Серебряного века” – поэты Игорь Северянин (1887–1941) и Константин Бальмонт (1867–1942). В работе содружества принимали участие и польские писатели: Юзеф Чапский¹⁶ (1896–1983), Рафал Блют (1891–1939), Влодзимеж Слободник (1900–1991), Юлиан Тувим (1894–1953) и др. (...)

В 1930 году в Варшаве был создан “Союз русских писателей и журналистов”. Его возглавлял писатель, литературный критик и журналист Александр Хирьяков. Лев Лыщинский был одним из руководителей союза: постоянно избирался в его правление или в ревизионную комиссию. Среди других руководителей “Союза русских писателей и журналистов” можно отметить бывших пинчуков – поэта *Дмитрия Майкова* и журналиста *Александра Фёдорова*¹⁷ (1892–?), а также *прото-пресвитера Терентия Теодоровича* (1867–1939)» [3, с. 211–212].

В Варшавской Национальной библиотеке хранится один экземпляр самого значительного поэтического сборника Льва Лыщинского-Троекурова – «Цепи жемчужные» (1924)¹⁸ [6, с. 3–61].

Проанализируем поэтический талант автора сборника.

Александр Ильин называет Льва Лыщинского «авантюристом», символом «распутинщины». Почему?

По мнению А.Л. Ильина, «отец и сын Лыщинские поддались на искушение все-силы власти и безнаказанности. Они связали себя с таким российским явлением как «распутинщина»: начали фальсифицировать свою генеалогию, чтобы добиться княжеского титула – князей Троекуровых. (...)»

Владимир и Лев Лыщинские¹⁹ объявили, что их род ведёт своё происхождение по женской линии от рода князей Троекуровых и обратились к императору с просьбой присоединить к фамилии Лыщинские фамилию Троекуровых, чтобы стать, таким образом, князьями Лыщинскими-Троекуровыми. Императорский указ по удовлетворению этой просьбы так и не появился. Вот почему их потомки, живущие сейчас в Польше, отказались от княжеского титула и фамилии Троекуров» [1]. К слову, род русских князей Троекуровых происходил от легендарного Рюрика, а в начале XVII века породнился с царским родом Романовых.

«Наверное, при содействии графа Алексея Хвостова²⁰ в 1916 году 33-летнего Льва Лыщинского назначили пермским вице-губернатором» [3, с. 203].

В стихах сборника «Цепи жемчужные» Лев Лыщинский – вовсе не авантюрист. Он влюблённый романтик, который бежит от суровой реальности, где «нет познания и тайны», в мир своих грёз, именно в мир любви к *одной единственной жен-*

¹⁶ Юзеф Чапский – двоюродный брат министра иностранных дел СССР Георгия Чичерина и племянник графа Кароля Гуттен-Чапского (1860–1904) – городского головы Минска.

¹⁷ Александр Фёдоров был в 1920-х годах XX века директором Пинской русской реальной гимназии.

¹⁸ Анализируя текст книги «Цепи жемчужные», мы убрали букву Ъ («ер») после твёрдых согласных, а также Ъ («ять»), которую раньше писали вместо буквы «е».

¹⁹ Лев Лыщинский в книге «Род дворян Лыщинских. Материал для составления 157 родословий» писал, что прослеживается происхождение их рода от княжны Прасковьи Михайловны Троекуровой, жены одного из их «предков» по женской линии – графа Ивана Петровича Толстого. Позднее генеалоги выяснили, что у графа была другая жена – Прасковья Михайловна Ртищева.

²⁰ Одной из главных фигур «распутинщины» являлся граф Алексей Хвостов – человек без моральных устоев, получивший должность министра только благодаря протекции Распутина, после этого Хвостов принялся организовывать его убийство.

щине. Кто она? О ней мы можем только догадываться. Может первая²¹ или вторая²² жена? А может, любимая Россия? У неё «синие очи»: «к твоим синим очам приколдован мой взор». Иногда «при блеске лунных ночей» эти очи – «голубые».

Её собирательный образ многолик. Она – его «принцесса грёз», «мираж неземной», «Бог неземной и земная мечта», «Бог и вера» («Ты для меня мой бог и вера. / Ты жизнь моя – моя мечта»). Она же – царица, Дева, «чужая мужняя жена», «милая сестра» [здесь чувствуется влияние поэзии А. Блока], «роза минувшего мимолётного счастья». Иногда Она похожа на русалку, потому что «поёт русалочки песни».

А любовь к Ней видится романтичному герою как мимолётная, пространственно-зыбкая, убегающая. И такое его душевное состояние в момент потери возлюбленной передаётся через пейзаж. Например: «Тучи набегают, тучи громахают, / тучи захотели сердце испугать».

Её образ иногда теряется вдали, растворяется в пейзаже призраком («Она ушла в весенний вечер мая... / Она ушла, как призрак без названия...»). И лирический герой постоянно ищет Её. Часто у стихийных вод реки или у моря хочет Её вернуть: «Ты вновь придёшь». Влюблённому романтику необходима свободная любовь («Надо силы, надо воли, чтоб счастливым быть...»), поэтому цель жизни Её – отгонять вьюгу, любя Её («Спи, моя милая, кроткая, нежная, / вьюга не будет касаться тебя, / вьюга промчится холодная, снежная, / я отгону её, детка, любя»...).

Герой книги Льва Лыщинского мыслит мир Ею: ведь Она сотворила пожар мира («Сердце загорелось пламенем безумным... / И в ответ от неба молнии ударом / по земле сверкнули и зажгли пожар»).

«Лес» у Лыщинского – символ судьбы, пройденного пути в любви. Здесь, в лесу, «их венчали только ветры под сосной». «Мы не муж с женой», – откровенничает герой стихотворения «Стоит ли...».

Иногда влюблённые живут «с улыбкой Пьеро», а значит – они «печальные любовники».

Как видим, автор сборника заимствует форму стиха и некоторые образы-символы у русских поэтов: Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Александра Блока.

Например, в стихотворении «Оставим прежние мечтанья» находим подражание Лермонтову, а именно ту же романтическую грусть, что и у великого русского поэта: «Оставим прежние мечтанья, / пойдём с тобой отдельно в путь. / И может, общие страданья / нас вновь сведут когда-нибудь». А вот строки Лермонтова: «Оставь напрасные заботы, / не обнажай минувших дней. / В них не откроешь ничего ты, / за что любить меня сильней».

²¹ Сразу после окончания училища правоведения Лев Лыщинский женился «на итальянке, дочке бывшего итальянского посла в Петербурге (фамилия неизвестна). Во время мировой войны упомянутый порвал с женой, которая как будто выехала на свою родину». ГАБО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 322. – Л. 66.

²² В 1915 г. Лев Лыщинский женился на кузине графа – Софье Бехтеевой (1891–1943); она была дочкой тайного советника, члена Государственного совета, многолетнего предводителя дворянства Елецкого уезда Орловской губернии Сергея Сергеевича Бехтеева (1844–1911), который был богатым и образованным человеком. Один из его сыновей – Сергей Бехтеев (1879–1954) – известный православный русский поэт, монархического направления. Историки и литературоведы называют Сергея Бехтеева «царским поэтом».

И всё же, читатель не находит прямых подражаний швагру, поэту Сергею Бехтееву, гражданская лирика которого посвящена идеалам монархизма и православия.

Важно подчеркнуть, что тема романтической любви в книге «*Цепи жемчужные*» – главная; в стихах этого поэтического сборника отражена больше драматичная любовь поэта (в ней мало радости).

Романтический герой, после окончательного расставания с *Нею* (полюбила другого?), часто думает о смерти (в стихах конца сборника преобладают кладбищенские мотивы). Возлюбленная – призрак настоящего потерянного счастья. И без неё жизнь героя потеряла смысл: «Без тебя же не стоило жить».

Можно сделать вывод, что собственная жизнь (вне любви к женщине, которая стала прообразом героини сборника «*Цепи жемчужные*») поэту видится – как «осень поблёкшая». И он точно знает: эту жизнь схоронят подобно тому, как «снегом схоронят» осень его любви («И как закроется крышка сосновая, / жизнь за собой уводя, / так пелена равнодушно-суровая / снегом схоронит Тебя...»). Драматизм жизни Льва Лыщинского здесь очевиден. Читателю порой кажется, что любовь русского поэта-мечтателя похожа на «сизифов труд» – тяжёлую, бесконечную и безрезультатную муку.

...Так что не удалось Льву Лыщинскому, став романтическим поэтом, быть свободным и счастливым в любви к женщине, которая ему не совсем принадлежала. Впрочем, как и его Родина... не совсем принадлежала ему.

А ведь Возлюбленная – символ надежды поэта на собственную – подлинную, искреннюю (без авантюры) жизнь.

Похоже, что романтик-поэт Лев Лыщинский совершал все свои *авантюры* во имя горячо любимой им России.

Есть ещё один период в биографии Льва Лыщинского, о котором пишет А.Л. Ильин. И это уже не придуманная жизнь с «цепями жемчужными», отражённая в стихах начала 20-х гг. XX века. Другие «цепи», с глубоко драматическими событиями, появились в судьбе Лыщинского тогда, когда его арестовали и отправили в Берёза-Картузский концентрационный лагерь.

А.Л. Ильин пишет: «В конце 30-х годов польские власти, понимая, что скоро начнётся война, своеобразно готовились к этому: составляли списки политически неблагонадёжных людей. В эти списки попал и Лев Лыщинский. В конце 1939 года Лев Лыщинский опубликовал на немецком языке свои интересные и ценные воспоминания “*Leidensweg in der Bereza-Kartuzka*” о пребывании заключённых в Берёза-Картузском концлагере в сентябре 1939 года. Не сохранилось официальных документов, поэтому огромную ценность имеют немногочисленные воспоминания узников того периода. Очень ценны сообщения Лыщинского о количестве и составе заключённых: “У лагеры ўтрымлівалася да 8.000 асобаў, з іх прыкладна 5.000 немцаў, 2.500 украінцаў, 300 беларусаў і 200 габрэяў, а таксама некалькі расійцаў. Жанчын было паміж 300 і 400. Некаторыя былі з дзецьмі. Былі нават 14-16-гадовыя дзяўчыны, якіх прывозілі ў Бярозу ў той час, як іхныя бацькі заставаліся дома”. Свои воспоминания Лев Лыщинский многозначительно закончил: “Усё, што я напісаў тут, я гатовы ў любы момант паўтарыць пад прысягай”. (...)

С приближением войск Красной армии администрация концлагеря разбежалась. Лев Лыщинский отправился в дом родителей, но их уже не было в живых» [3, с.214].

А далее были поиски места жительства: сначала Лев Лыщинский выехал в Варшаву вместе с семьёй (советские власти создали в покинутом имении машинно-тракторную станцию), однако в конце июня 1941 года семья вернулась в имение Руда²³. Мария Петровна Лыщинская (в девичестве Кононович-Ширванская; жена Михаила Анзельмовича – родного брата Владимира Анзельмовича Лыщинского) умерла в 1942 году.

А.Л. Ильин отмечает: «Лев Лыщинский тяжело переживал смерть любимой жены. В 1944 году при приближении советских войск он с детьми выехал из имения в Варшаву, где в конце 1944 года, во время Варшавского восстания, погиб²⁴ под обломками здания, в подвале которого укрывался от бомбёжки» [3, с. 215].

В связи с нашим разговором о поэте-монархисте Льве Лыщинском важно сказать ещё об одном поэте 20-х годов XX века, жизнь которого связана с Брестско-Пинским Полесьем. Это – Евгений Бартуль. Читателя впечатляет бартулевский символический образ «Беларусі», неотделимый от образа женщины – «Жнейки». Однако лирический герой [Белорус] Евгения Бартуля, даже если учесть его бунтарский характер, чаще воображал Родину-женщину, которая ему не совсем принадлежала [впрочем, как и не мог до конца познать свою возлюбленную романтик Лев Лыщинский].

Евгений Бартуль – поэт, который обогатил западнобелорусскую поэзию своим отличительным романтическим мировосприятием, которое, на первый взгляд, объединяет его с такими великими поэтами-романтиками, как Адам Мицкевич, Михаил Лермонтов, особенно если читатель находит в его поэзии фольклорные мотивы либо мистические (демонические) интонации. Порой кажется, что романтическая импульсивная мысль автора поднимается высоко в небеса, чтобы отыскать там своё субстанциональное начало и набраться сил, ведь «Нябёсы» – это символ пробуждения Беларуси от векового сна:

У краіне адвечнага сну
нешта бліснула там, на узвышшы...
(стихотворение «Беларусі»)

В стихотворном *небе* Евгения Бартуля обязательно живёт «Геній роднай зямліцы». Он прочитывается как некий *дух-хранитель* или высшая творческая способность человека. В стихотворении «Беларусі» – это ещё и голос «Нябёсаў», который помогает лирическому герою будить страну ото сна:

З-пад цёмных, як волава хмар
Геній роднае нашай зямліцы...
Загудзеў дзіўнай сілаю віхра,
загудзеў і паплыў рэхам ўдаль:
Устань народ! Я прынёс табе волю,
я жадаю, каб ты уваскрос!

²³ Дети Льва Лыщинского, сын Владимир и дочь Нелли, работали учителями в школе близлежащего села Дубечно. Их мать, Мария Сергеевна Лыщинская, по воспоминаниям сельских старожилов, отличалась добротой: помогала односельчанам и партизанам, которые, однако, в 1943 году сожгли усадьбный дом и убили его хозяйку. Местные жители похоронили Марию Лыщинскую в парке рядом с родителями мужа [3, с.215].

²⁴ Хотя Википедия сообщает, что Лев Лыщинский умер 27 ноября 1945 года в Кракове.

Столь высокую романтическую интонацию высвечивают символические *звёзды*. Они очень яркие, потому что держат в себе *силу и красу*. А ещё они имеют *бунтарский* характер, и герой хочет им угодить, чтобы *долететь в своём мечтательном полете до звёзд*. Также он стремится сорвать с неба одну из них и подарить людям, чтобы те стали такими же сильными и свободными, как звёзды:

Я – вольны
я – буйны,
ірвуся да зор!
Як вырвусь,
дык разам
ў прастор крутану,
памкнуся, як віхар,
да зор шыбану.
Сарву з неба зорку,
пушчу на зямлю.
Удаль зноў памкнуся! –
быць вольным люблю!

(стихотворение «Бунтаўшчык»)

Но для такого романтического бунта герою необходимо «збудаваць алтар у сваім сэрцы», а значит – *не предать своего христианского Бога*:

Для цябе збудаваў я алтар ў сваім сэрцы,
у вопратку казак прыбраў я яго.

(стихотворение «Бацькаўшчыне»)

Герой стихотворения «Бацькаўшчыне» старательно вынашивает в своей душе ещё и бунтарское чувство, как у Прометея:

І я вырву бунтарскае сэрца ў ахвяру,
дый злажу яго на твой слаўны алтар...

Евгений Бартуль славит отважных людей-Прометеев так:

Слава, слава смелым Праметэям!
У іх упадку чалавека слабасць,
узлёты – вось вялікасць чалавека. ..

(стихотворение «Слава Праметэям»)

И в таком ощущении «вялікасці чалавека» Бартуль-поэт похож на известного французского символиста XIX века, «прометеиста» Артюра Рембо, который верил, что поэт, как и Прометей, ответственен за судьбы человечества, он способен разгадывать тайны Неба, чтобы сделать их достоянием людей.

Состояние души лирического героя Бартуля передаётся и через колорит. В ассоциациях поэта преобладает красный цвет *огня* – как знак *мгновенного безумия*, а иногда наоборот, – «прадчування вялікасці чалавека»: «...Але слава і шаленцам,

што, як бура, вырываюцца агністаю завей...». Этот же цвет преобладает в стихотворении «З песняў моладзі»:

Мы адважна, грамадою,
шлях праложым свой,
моладзь з бурнаю душою,
з душой агнявой!

(стихотворение «З песняў моладзі»)

Настоящий *огонь* может разгораться и «ярка-рэзкім прамянём», и «бурай дзікаю, іскрыстай», и «завей залацістай». Если же Небо спокойное и ясное, тогда оно – солнечное и лазуритовое.

Убедителен образ Родины. Она начинается с *дзевяны*, которую фантазия поэта сравнивает со *сказкай*:

Светласцю, спевамі краскамі
думкі кружылі, як п'яныя...
Казкай здавалася, казкаю,
родная вёска, каханая...

(стихотворение «З шумнага дымнага горада»)

Особенно красива «Беларусь-жнейка». Стихотворная «Жнейка» Евгения Бартуля напоминает «Жняю» Канута Русецкого (белорусско-польского-литовского художника) – спокойную красавицу на первый взгляд ... И вместе с тем вестницу Новой жизни. Кажется, что *колосы* ждут, «калі іх споўняцца жаданні, калі ж закруціць сярпок-змейка» (стихотворение «Даспела жыта»). И *снопок*, который жнейка «звязала», читатель может уподобить *пламени*. Например, в стихотворении «Гэй, успыхні» находим интересную метафору: «полымя агню ўгару ляціць снапом».

Кроме того, лирический герой поэта мыслями соединён с величием и красотой родной природы: иногда он чувствует себя в роли *косца*, который вместе с *полем* и *лугом* «песні спявае нязнанья» – словно он косит не траву, а выполняет какое-то магическое действие:

Сёння на вёску я вырваўся.
Бляскам чырвонага золата
думкай прасторы рассыпаўся.
І распяваўся прасторами,
неба блакітнага яснасцю,
хмарак-каронак узорами,
сонца бліскучага палкасцю.
Узяў я з-пад клеці ды косаньку,
Ўзмахамі сыпаў, пракосамі.
Брызгам расперліваў росаньку...

(стихотворение «З шумнага дымнага горада»)

А может, стихотворный герой вовсе и не косит траву? *Косец* слился с деревенской природой в одном дыхании её великолепия – *дыханні рос*, и он разбрызгивает их жемчужинки так, словно соединился с бесконечным художеством Неба.

Евгений Бартуль малоизвестен широкому читателю.

В 2018 году А.Л. Ильин в Лунинце издал небольшую книжечку «Аўген Бартуль беларускі паэт і старшыня Лунінецкага гарадскога суда». Автор нашёл в Вильнюсском архиве (2006) «Личное дело студента Виленского университета Евгения Бартуля»²⁵. Документ содержит автобиографию будущего поэта, где имеется информация о его родителях, детстве и юношестве будущего поэта. Из автобиографии Бартуля узнаём, что он *«родился 26/13 февраля 1908 г. в Петербурге. Отец – Донат по профессии фармацевт и мать Юлия-Матильда-Луиза (три имени) Бонфельдт. До октября 1918 г. жил с родителями в Петербурге, где в 1917/1918 школьном году начал учёбу в польской прогимназии при костёле св. Станислава. В октябре 1918 г. он выехал с отцом в Латвию, где находилось их земельное владение; здесь и жил до осени 1922 г., не учась в школе, ввиду продолжавшихся в то время военных действий. В 1922/23 школьном году поступил в 5-й класс государственной белорусской гимназии в Динабурге. В 1925/26 г. окончил вышеуказанную гимназию и в 1926/27 школьном году начал учёбу на математико-природоведческом факультете Университета Стефана Батория. В 1927/28 школьном году перевёлся на факультет права и общественных наук У.С.Б., вышеуказанный факультет окончил в июле текущего года»* [4, с. 2].

Нельзя обойти вниманием те страницы книги А.Л. Ильина, где сказано о лунинском периоде жизни Бартуля-судьи.²⁶ 29 июля 1937 г. президент Речи Посполитой назначил судебного ассессора окружного апелляционного суда в Вильно Евгения Бартуля судьёй городского суда в Лунинце [4, с.14].

Однако следует вернуться к литературному таланту Евгения Бартуля.

Как отмечает А.Л. Ильин, в 1925 году поэт, учась в Двинской государственной белорусской гимназии (в Латвии), опубликовал в журнале «Студэнцкая думка» своё первое произведение – историческую балладу «Голас Нёмана». И позже, будучи студентом Виленского университета Стефана Батория, Евгений Бартуль продолжал писать стихи.

Наш анализ стихов Евгения Бартуля показывает, что автор – западнобелорусский романтик «национально-возрожденческого течения» [5, с. 249]. В стихах преобладают мажорные интонации; лирический герой смотрит на людей глазами поэта-«прометеиста», а ещё он – труженик-крестьянин, символический путь которого определяют *сила Неба и краса Земли*.

Заметим, о жизни западнобелорусских писателей в Вильне интересно сказал известный белорусский краевед Сергей Чигрин в своей статье «Слова пра Аўгена Бартуля»²⁷: «Не дужа добра паэту і яго сябрам жылося і ў Вільні. У 1927 г. была спроба стварыць згуртаванне маладых беларускіх пісьменнікаў Заходняй Беларусі – зарэгістраваць літаратурнае аб’яднанне “Веснаход”, але польскія ўлады адмовілі ў рэгістрацыі. Пашанцавала толькі ў 1928 г. у Вільні выдаць творы бела-

²⁵ «Аляксандр Ільін у кнізе “Аўген Бартуль – беларускі паэт і старшыня Лунінецкага гарадскога суда” паказваў невядомыя старонкі яго жыцця. Падчас 2-й Сусветнай Бартуль жыў і працаваў на Лідчыне.(...) Памер 22 чэрвеня 1992 (84 гады) у Лембарку (цяпер поўнач Польшчы)». «Беларускія паэты» [Электронны ресурс]. – Режим доступа : <https://m.ok.ru/group/>

²⁶ В июле 1931 года Евгений Бартуль окончил Виленский университет со званием магистра права. 1 марта 1932 года молодого юриста назначили судебным аппликантом 3-го уголовного отдела Виленского окружного суда.

²⁷ Сергей Чигрин в статье «Слова пра Аўгена Бартуля» (2023г.) проанализировал книжечку А.Л. Ильина, посвящённую Бартулю.

рускіх літаратараў асобным зборнікам “Рунь Веснаходу”, які адкрываўся вершамі А. Бартуля» [7, с. 5].

В первой половине 30-х годов XX века Евгений Бартуль перестал писать стихи. Почему?

Александр Ильин отвечает на этот вопрос так: «Наверное, он не мог соединить в своей душе белорусский поэтический романтизм и польский жизненный прагматизм. К тому же, в 1936 году в статье “Да літаратурнай творчасці Заходняй Беларусі” Бартуль пісаў, што імаецца злішчком многа выдаючыхся заападнобеларускіх паэтаў, но нет хороших беллетристов. Возможно, он бросил поэзию, так как достаточно было западнобелорусских поэтов, а с беллетристикой у него ничего не получилось» [4, с.7].

К сожалению, не стала стихотворной Музой Евгения Бартуля учительница Анна Райченко (1906–1965) – дочка Франтишка и Марии из *Жоглов Райченков*, с которой Бартуль познакомился в г. Свеняны Виленского воеводства, куда его назначили следователем в мае 1933 года (тогда Евгений сделал Анне предложение, и она стала его женой) ²⁸[4, с. 8].

Похоже, к тому времени образ «судебного аппликанта» завладел душой Бартуля настолько, что вытеснил в поэте поэта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ГАБО. – Ф. 67. – Оп. 1. – Д. 768. – Л. 63.
2. Глазов, В. Лев Лыщинский-Троекуров. Князь, пытавшийся остановить время // Брестский Курьер. – 2013. – № 46.
3. Ильин, А. Игнатюк, Е. «Русский поэт, “белорусский князь” и международный авантюрист Лев Лыщинский-Троекуров» / Александр Ильин, Елена Игнатюк // Асоба і час. Беларускі біяграфічны альманах. – Мінск, 2016. Вып. 7. С. 198–219.
4. Ільін, А. Аўген Бартуль – беларускі паэт і старшыня Лунінецкага гарадскога суда [монографія] / Аляксандр Ільін, Алена Ігнацюк; ДУК “Лунінецкая раённая цэнтралізаваная бібліятэчная сістэма”. – Лунінец, 2018. – 30 с.
5. Мікуліч, М.У. Паэзія Заходняй Беларусі (1921–1939) / М.У.Мікуліч; навук. Рэд. У.В. Гніламёдаў. – Мінск: Беларус. Навука, 2010. – 462 с.
6. Цепи жемчужные // Кн. Лев Лыщинский-Троекуров. – [Варшава] : [б. и.], 1924. – 63 с., 1 л. портр. : 13 см.
7. Чигрин, С. Слова пра Аўгена Бартуля // Краязнаўчая газета, снежань 2023 года. – С. 5.

²⁸ 22 июля 1969 года Евгений Бартуль женился на своей молодой помощнице Иоланте Садовской. Вскоре, 26 января 1970 года, у них родилась дочь Анна, которую назвали в честь его первой жены.

I

***Она ушла в весенний вечерь мая.
Когда кругомъ всё пѣло о любви.
Она ушла ... зачѣм? – не понимая,
Когда сама такъ жаждала любви.

Она ушла, какъ призракъ безъ названия...
Сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ ея.
Остались лишь одни воспоминания.
Она ушла – и больше нѣтъ ея.

*Левъ Лыщинскій-Троекуровъ
(1883–1945)*

II

Евгеній Бартуль (1908–1992)

*Анна Райченко, жена Евгенія Бартуля,
(1906–1965)*

**RESTORED NAMES: FEATURES OF THE POETRY OF
LEV LYSHCHINSKY-TROEKUROV AND YEVGENY BARTUL
IN THE RESEARCH OF THE PINSK LOCAL HISTORIAN A.L. ILYIN**

E. A. Ignatiuk,

Polessky State University, Pinsk, Belarus

ignatuk.e@polessu.by

The article demonstrates A. L. Ilyin's contribution to the study of the biographies of prominent figures from the past: the Russian monarchist poet Lev Lyshchinsky-Troekurov (1883–1945) and the West Belarusian poet Yevgeny Bartul. It analyzes the poems from Lev Lyshchinsky-Troekurov's collection "Pearl Chains" (1924), and also evaluates the West Belarusian poetry of Yevgeny Bartul (1908–1992).

Keywords: Polesie, area studies, archival science, Russian monarchist poet, West Belarusian poetry, Judge of the City Court in Luninets.